

УДК 94 (476) + 27

В.В.ТАБУНОВ

Республика Беларусь, Могилёв, МГУ им. А.А.Кулешова

**ИДЕЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ УНИАТСКОЙ ЦЕРКВИ НА
БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ И ПАМЯТЬ ПРО УНИЮ СРЕДИ
БЕЛОРУСОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

В конце XIX – начале XX столетий среди белорусов продолжала сохраняться система отождествления конфессиональной и национальной принадлежности. По данным переписи 1897 г. 80 % населения белорусских земель (преимущественно сами белорусы – В. Т.) исповедовало православие, а около 17 % - католицизм [1, XIII]. Такая ситуация отрицательно сказывалась на процессе их исторического развития,

поскольку подобное деление тормозило становление белорусов в качестве единого, самостоятельного народа.

По замечанию историка О.Латышонка: «Канфесійны падзел беларускага грамадства на праваслаўных і каталікоў быў асноўнай перашкодай, якую мусіў пераадолець беларускі нацыянальны рух на шляху да стварэння сучаснай нацыі. Каталіцкія дзеячы спосабам вырашэння гэтай праблемы лічылі новую унію» [2,69].

Следует заметить, что и для католического духовенства и «для расійскіх улад уніяцкая царква была турботным феноменам» [3,343-344]. Православное духовенство видело в ней «средство для окатоличения и ополячения западно-русского народа, мост для его перевода из православия в католичество» [4,687]. Для ксендзов же «ўніятаў заўжды былі каталікамі. Нягледзечы на некаторыя адрозненні ў абрадах, цесны звяз паміж уніятамі і каталікамі здаваўся натуральным» [5,148]. Возвращения в поддержку унии и возвращения к ней в это время можно рассматривать как альтернативу проправительственному православию и пропольскому католицизму.

Именно исходя из таких соображений к ней обращались в конце XIX – начале XX веков деятели белорусского национального движения «такія, як палітычныя дзеячы і публіцысты І.Луцкевіч і В.Іваноўскі, пісьменніца А.Пашкевіч (Цётка)», чьи сборники стихов «Хрэст на свабоду» и «Скрыпка беларуская», не без помощи митрополита А.Шепцицкого, были напечатаны в типографии униатского базильянского монастыря в Жовкве возле Львова [6,40], а «таксама святары В.Герасімовіч, А.Станкевіч, Ф.Абрантовіч і Я.Герасімовіч» [7,102].

По воспоминаниям А.Луцкевича, в начале XX века: «среди белорусских деятелей возникла идея» о том, что «для сохранения единства белорусского народа, разделяемого вероисповеданиями, необходимо возобновить вероисповедное единство – восстановить церковную унию как белорусское национальное вероисповедание» [8,181].

Идеи представителей белорусского национального движения о возобновлении деятельности униатской церкви опирались на ещё хранившуюся у бывших униатов память о не так давно исповедуемой ими религии.

Так называемые «упорствующие» в католицизме вызывали особую тревогу у правительственных кругов. В связи с этим обер-прокурор Св. Синода К.П.Победоносцев в письме Николаю II от 30 октября 1897 г. отмечал: «униатский вопрос есть один из самых тяжёлых в настоящее время для русских окраин» [9,61].

Поспешность в деле перехода униатов в православие не принесла ожидаемых результатов. В итоге «с православием воссоединилась лишь малая часть упорствующих» [10,62], общая численность которых была

довольно внушительной. Согласно данным Департамента духовных дел иностранных исповеданий, предоставленных в министерство внутренних дел, в губерниях Западного края и Царства Польского их насчитывалось до 100 тыс. человек [11,51]. В подавляющем большинстве случаев это были крестьяне, перешедшие в православие в 60-х гг. XIX столетия после подавления восстания 1863-1864 гг., но не свыкшиеся со своим новым статусом и потому продолжавшие втайне придерживаться уже ставших привычными для них обрядов более близкой римско-католической церкви. Время от времени это проявлялось в активных действиях. Так, в 1895 г., во время вступления Николая II на престол, распространился слух о намерении нового царя восстановить униатскую церковь. Это привело к тому, что в некоторых приходах верующие, ожидая прибытия униатских священников, прогнали православных [12,27,41].

Как оказалось, «зламаць уніяцкую культурна-рэлігійную традыцыю было нялёгка» и «нягледзячы на ціск духоўных і свецкіх уладаў, народ яшчэ доўга захоўваў прыхільнасць да сваіх абрадаў, пасля ліквідацыі уніі ў 1839 г. у народзе захоўваліся сімпатыі да яе» и «расійскія ўлады былі вымушаны праводзіць працягваць змаганне з імі» [13,255].

«Могилёвские епархиальные ведомости» отмечали по этому поводу, что многие семьи, перешедшие в православие «остались отчасти тем, чем были до воссоединения, т. е. с многими навыками латинства. Понятия о вере не могли быть везде изглажены, они сохранили и донныне обычаи посещать в храмовые праздники католические костёлы и молится в них по польским книжкам» [14,42].

Пережитки униатской веры «працягвалі жыць, выкарыстоўвацца і шанаваліся тайнымі прыхільнікамі ўніяцтва» [15,115]. Так, сохранились в среде бывших униатов обычаи почитания скульптурных изображений святых: «да 1865 г. у капліцы Моўчадскай царквы Слонімскага павету была ушанаваная праваслаўнымі вернікамі статуя Антонія Падуанскага. Па загаду яе прыбралі, але народ і ў канцы XIX ст. хадзіў ушаноўваць А.Падуанскага і з глыбокай пашанай паглядаў ў акно склепа, з якога відаць кавалкі статуі» [16,155].

Отмечались униатские праздники, а в домах верующих встречались униатские иконы: «у пачатку 90-х гг. XIX ст. насельніцтва Гродна і ваколіцаў захоўвала уніяцкія абразы і адзначала свае святы» [17,159].

Осталась симпатия к органной музыке, звучавшей в костёле. Например, 10 декабря 1896 г. о устройстве органа в Гаянской римско-католической церкви перед витебским губернатором ходатайствовали крестьяне Режицкого уезда Гаянской волости, который «по обычаю, может служить взамен певчих во время совершения богослужений». Также они просили разрешения на проведение денежного сбора на орган в общем размере 1500 руб. [18,3-3об.].

Режицкий уездный исправник поддерживая просьбу крестьян, отмечая, что намечаемый сбор в 1500 руб. на устройство органа «не будет служить препятствием к своевременной уплате платежей», поскольку просители принадлежали «к числу зажиточных» [19,2].

28 декабря 1896 г. губернатором было дано разрешение на устройство органа в I-й альянской римско-католической церкви [20,10].

Исследователь Н.Г.Глубоковкий отмечал факт существования остатков униатского самосознания у части населения западных губерний вплоть до начала XX века [21,483].

О сохранившихся прокатолических настроениях бывших униатов в 1905 г. писали и «Полоцкие епархиальные ведомости», признавая ошибку со стороны властей в деле поспешности перевода униатов в православие: «присоединение униатов к православию большей частью совершалось искусственным путём, официально, через записи униатов православными. Такие «православные» только числились таковыми, но на самом деле оставались в душе преданными католичеству». В результате «духовная связь населения с католичеством почти не прерывалась и малейшее торжество католической церкви находило живой отклик в сердцах населения», которое власти считали православным [22,290,291,292].

Положение их было непростым, поскольку, принимая православие они давали подписки за себя, а нередко и за своих детей на неизменное пребывание в нём, обещая соблюдать и выполнять все правила православной церкви. Например, 10 июля 1895 г. дворянка Мальвина Иванова Сагульская «изъявила решительное намерение присоединиться к Православной Кафолической Восточной церкви и обещала пребывать в послушании ея всегда неизменно» [23,2]. Но зачастую такие обещания оставались только на бумаге. В то же время ксендзам было строжайше запрещено совершать над лицами православного вероисповедания какие бы то ни было духовные требы. В результате «дзеці іх раслі без крыжа, шлюбаваліся яны і паміралі без благаславенства» [24,517].

Для обеспечения своих религиозных потребностей «упорствующие» были вынуждены идти на различные хитрости – принимать «для вида» православие, а сами втайне посещать костёл, записываются под другими фамилиями после выполнения религиозных обрядов и т. д.

Бывшие униаты при выполнении религиозных обрядов в большей степени тяготели к костёлу, нежели к православной церкви, что не могло не нравиться православным священникам и представителям власти на местах. Ксендзы же, на свой страх и риск, или просто по незнанию, что определённые лица числятся православными, совершали над ними различные таинства. 14 января 1904 г. благочинный 1-го округа Минского уезда сообщал епископу о том, что житель г. Минска Николай Иосифов Гомановский, православного вероисповедания (был переведён в него из

католицизма в 1863 г. – В.Т.), «поступивший в 1903 г. в число учеников Минского городского училища упорно уклоняется от посещения с прочими учениками в воскресные и праздничные дни церкви Минского Свято-Духова монастыря», а вместо этого «посещает Минский Златогорский костёл» [25,14]. Отец Гомановского, также как и сын, «будучи православным посещает означенный костёл, где состоит в качестве костельного служителя и со своим семейством исполняет требы, духовные обряды римско-католической церкви».

Увещевания, сделанные педагогическим советом училища Николаю Гомановскому, посещать православную церковь не достигли своих результатов, а его отец «вошёл с прошением к инспектору училища, в котором просил не считать его сына православным, т.к. он сам и его семейство римско-католического исповедания, православными они числятся ошибочно» [26,14 об.].

В своих показаниях приставу 3-ей части г. Минска Иосиф Гомановский заявил, что с рождения он и его семья являются православными, а католическую веру исповедуют потому что «с раннего детства воспитывался в духе католицизма, т.к. отец его был католик», а «мать была православная из униатов, после смерти родителей он жил у одного католика, где выучился столярному ремеслу и вместе с ним ходил в костёл». В период военной службы посещал православную церковь. «Он его жена и дети молятся, исповедуются и причащаются по-польски, польским молитвам и обрядам он с женой учат и своих детей», но «крестят их у православного священника» [27,15-15 об.].

Ксёндзу Златогорского костёла Михалькевичу не было известно, что семейство Гомановских православные [28,15-15об.-16]. Он относил эту семью к одной «из самых ревностных» в своём приходе. Глава семейства «по своей охоте, без всякого вознаграждения прислуживал при богослужении», а его сын – при литургии. Поскольку Иосиф Гомановский «не занимал при костёле никакого места, то он, Михалькевич, в виду его ревностного отношения к церкви, не мог и полагать, что он православный». Ксёндз узнал об этом, когда Николая Гомановского «начали заставлять посещать православную церковь». После этого он не допустил их к участию в богослужении, а посоветовал Иосифу подать на царское имя «прошение о предоставлении ему права перейти в католичество» [29,19-19об.-20].

Епископ Минский и Туровский, выражая заботу о сохранении своей паствы, состоявшей в своём большинстве из бывших униатов, 21 сентября 1904 г. писал губернатору о передаче прокурору Минского окружного суда всей документации, имеющейся в распоряжении консистории, о Гомановских «для привлечения к уголовной ответственности главы семейства Иосифа и его жены Анастасии». Ксёндзу Михалькевичу он

просил от лица власти сделать внушение, чтобы он «строго проверял принадлежность к римско-католической церкви лиц, обращающихся к нему за совершением духовных треб» [30, 27-27 об.].

В некоторых местностях упорствующие могли составлять целые компактно расположенные селения. Своим поведением – непосещением православных церквей, отсутствием у исповеди и причастия, отказах обращаться к православным священникам за исполнением различных обрядов, самостоятельным исполнением таковых по образцу римско-католической церкви и т.д., - они доставляли немало хлопот представителям власти и православному клиру. 5 января 1903 г. слудкий уездный исправник докладывал губернатору об уклонении крестьян «деревень Юрздыка-Медведичи, Мазурки, Гончари, Шарские, Тальминовичи, Ососы, Куриновичи, Смоляники, Городище, Кулени и Русиновичи от исполнения духовных треб по православному обряду». Они надеялись «на возврат в католицизм», о чём ходатайствовали по всем возможным учреждениям, «но все их просьбы были отклонены» [31,14].

Следует заметить, что после выхода указа о свободе вероисповеданий население означенных деревень перешло в своём подавляющем большинстве в католицизм, в связи с чем священник Голдовичской церкви Слуцкого уезда Владимир Боборыкин просил консисторию о разрешении причту указанной церкви не записывать их «на последующее время в исповедную ведомость» [32,34].

А пока своими действиями они, как уже было сказано выше, ставили себя в затруднительное положение. Тот же исправник отмечал, что «упорствующие совершенно лишены духовной пищи, хотя ищут её. Старики умирают без исповеди, погребаются без священника и без совершения христианских обрядов, брачующиеся живут без таинства бракосочетания и вместо его сами совершают свои какие-то венчания и затем приживают детей вне законного брака, которых не крестят, а только после рождения нарекают им имена» [33,15].

Данные исправника подтверждал слудкий уездный предводитель дворянства Б.Лопухин, сообщавший губернатору, что упорствующие «за отказом местного ксендза венчать» их «живут вне брака», меняя «жён и мужей», из-за чего «права потомства трудно определить». Православное же духовенство их «игнорирует и только регистрирует под этим названием (упорствующих – В.Т.)» вследствие чего «лишённые возможности свободно отправлять обряды религии им сродной, они ходят в православный храм и читают там католические молитвенники» [34,17].

Настоятель Голдовичской церкви священник Иосиф Викторский заявил, что упорствующие не обращались к нему для исполнения таинств и обрядов. Более состоятельные из них тайно «пользовались услугами

ксендзов», а бедные «сами крестили по католическому обряду своих детей, сами хоронили умерших, жили в незаконном брачном сожителстве» [35, 76].

По данным минского епархиального миссионера Константина Попова упорствующие в своём большинстве проживали в уездах: Минском, Борисовском, Новогрудском, Пинском и Слуцком. Их численность составляла 12682 «души обоего пола», при этом он был убеждён, что указанная цифра не соответствует действительности [36, 1об.]. Только в Минской епархии «отпавшие от православия» или упорствующие были зафиксированы в 146 приходах [37, 9].

По мнению польского учёного Р.Радика, российские власти сделали большую ошибку «ліквідуучы ў 1839 г. унію і шматразова павялічваючы колькасць вызнаўцаў прываслаўя», что способствовало разделению белорусов «на дзве рэлігійныя супольнасці», а «з дапамогай палітызацыі гэтага падзелу яна (Россия – В.Т.) справакавала такую сітуацыю, калі сувязі, што ядналі грамадскія масы з царквой ці з касцёлам, іх культурнай і цывілізацыйнай базай (якая атаясамлівалася з рускасцю, або польскасцю) былі настолькі моцнымі, што “прабіцца” праз іх беларускаму нацыятворчаму працэсу аказалася амаль немагчыма. Праваслаўе ў свядомасці мясцовых сялян стала “рускай верай”, а рымскае каталіцтва – “польскай”. Такіе «рэлігійныя падзелы ўмацоўвалі пачуццё прыналежнасці да асобных культурных колаў», соответственно православной (русской) и католической (польской) [38, 16]. В этих условиях белорусам, по мысли исследователя, «не хапала уніі, якая адзіляла б мясцовы люд ад свету як паноў, так і уладаў, мадэлявала б уласную культуру і эліту» [39, 16]. Думаем что можно согласится с мнением С.А.Подокшина, считавшго что «унія – з’ява супярэчлівая і неадназначная. Яе немагчыма асэнсаваць палярна: або са знакам “плюс”, або са знакам “мінус”» [40, 9].

Таким образом, в конце XIX – начале XX столетий часть населения белорусских губерний, недавно принадлежавшая к униатской (греко-католической) церкви, продолжало хранить память про свою веру, что проявлялось в пассивных формах сопротивления как церковным, так и гражданским властям: посещении костёла, отказе крестить детей по православному обряду, использовании молитвенников на польском языке во время богослужений в православной церкви и т.д. В условиях пропольской ориентации костёла и проправительственной православной церкви деятелями белорусского национального движения (братья А. и И.Луцкевичи, Тётка (А.Пашкевич) и др.) униатство рассматривалось в качестве той силы, которая способна объединить белорусов.

1. Garbiński J., Turonek J. Białoruski ruch chrześcijański XX wieku. Słownik biograficzno-bibliograficzny. – Warszawa: „Sławistyczny ośrodek wydawniczy”, 2003. – 618 s.

2. Латышонак А. Беларуска палітыка і пратэстанты. Ад «Гомона» да Грамады // Спадчына. – № 1. – 2003.

3. Васілюк С. І не адзіная і не самая / Наш Радавод. Кн. 4. Ч. 7. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі. XIII-пач. XX стст.» / Рэдактар-укладальнік. Д.У.Караў. – Гродна. 1992. – 756 с.

4. Протоирей А.Ковальницький Приготовление в Галиции к предстоящему 300-летию юбилею брестской церковной унии // Полоцкие епархиальные ведомости. – № 15. – 1 августа 1895 г.

5. Вікс Т.Р. «Канец» уніяцкае царквы ў Расіі: уз’яднанне 1875 г. // Спадчына – № 2. – 2000.

6. Ільін А., Гарбарчык М. Нацыянальнае адраджэнне пачатку XX ст.: беларуска-ўкраінскія павязі // Спадчына. – № 12. – 2000.

7. Бідар Г. Веравызнанне, этнас і мова на Беларусі ў XX ст. / Край=Kraj: (Polonica-Albaruthenica-Lithuanica): 3-4 (6-7). / Рэд. Я.Іваноў.; ГА МТ “Брама”. – Мн.: Энцыклапедыкс, 2002. – 306 с.

8. Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху: выбраныя творы / Антон Луцкевіч; Укл. прадм., камент., анатав. Індэкс імёнаў А.Сідарэвіча. – Мн.: “Беларускі кнігазбор”, 2003. – 288 с.

9. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ) ф. 543 оп. 1 ед. хр. 623

10. ГАРФ ф. 543 оп. 1 ед. хр. 623

11. Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. – № 5. – 2005.

12. Канингем Д.В. С надеждой на собор. Русское религиозное пробуждение начала XX века. – Лондон, 1990. – 412 с.

13. Марозава С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596-1839 гг.) / Пад навук. рэд. У. М. Конана. – Гродна.: ГрДУ, 2001. – 352 с.

14. Из истории могилёвского женского училища духовного ведомства // Могилёвские епархиальные ведомости. – № 3. – 21 января 1898 г.

15. Марозава С.В. Лёс культурнай спадчыны ўніяцкай царквы ў Беларусі // Спадчына. – № 6. – 1996.

16. Марозава С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596-1839 гг.) / Пад навук. рэд. У. М. Конана. – Гродна.: ГрДУ, 2001. – 352 с.

17. Марозава С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596-1839 гг.) / Пад навук. рэд. У. М. Конана – Гродна.: ГрДУ, 2001. – 352 с.

18. Национальный исторический архив Беларуси в Минске (далее НИАБ) ф. 1430 оп. 1 ед. хр. 42949.

19. НИАБ в Минске ф. 1430 оп. 1 ед. хр. 42949.

20. НИАБ в Минске ф. 1430 оп. 1 ед. хр. 43723.

21. Глубоковский Н. Архиепископ Смарагд (Крыжановский) и его деятельность по воссоединению униатов (1833-1837 гг.) // Христианское чтение. - № 4. - 1914 г.

22. Полоцкие епархиальные ведомости. - № 12. - 15 июня 1905 г.

23. НИАБ в Минске ф. 136 оп. 1 ед. хр. 36576.

24. Гарбінскі Ю. Беларускія рэлігійныя дзеячы XX ст. / Адказны рэд. У. Конан і інш. - Мн. – Мюнхен, 1999. – 518 с.

25. НИАБ в Минске ф. 136 оп. 1 ед. хр. 37039.

26. НИАБ в Минске ф. 136 оп. 1 ед. хр. 37039.

27. НИАБ в Минске ф. 136 оп. 1 ед. хр. 37039.

28. НИАБ в Минске ф. 136 оп. 1 ед. хр. 37039.

29. НИАБ в Минске ф. 136 оп. 1 ед. хр. 37039.

30. НИАБ в Минске ф. 136 оп. 1 ед. хр. 37039.

31. НИАБ в Минске ф. 136 оп. 1 ед. хр. 36976.

32. НИАБ в Минске ф. 136 оп. 1 ед. хр. 37171.

33. НИАБ в Минске ф. 136 оп. 1 ед. хр. 36976.

34. НИАБ в Минске ф. 136 оп. 1 ед. хр. 36976.

35. НИАБ в Минске ф. 136 оп. 1 ед. хр. 36976.

36. НИАБ в Минске ф. 136 оп. 1 ед. хр. 37044.

37. НИАБ в Минске ф. 136 оп. 1 ед. хр. 37044..

38. Радзiк Р. Прычны слабасцi нацыятворчага працэсу беларусаў у XIX і XX стагоддзях. / Радзiк Р. Беларусы (погляд з Польшчы). Манаграфія / Пер. з польск., Рэд. Я.Іваноў.; ГА МТ “Брама”. – Мн. Энцыклапедыкс. 2002. – 132 с. – (“Край=Kraj”). - 5 (8). – 2002.)

39. Радзiк Р. Прычны слабасцi нацыятворчага працэсу беларусаў у XIX і XX стагоддзях. / Радзiк Р. Беларусы (погляд з Польшчы).: Манаграфія / Пер. з польск., Рэд. Я.Іваноў.; ГА МТ “Брама”. – Мн. Энцыклапедыкс. 2002. – 132 с. – (“Край=Kraj”). - 5 (8). – 2002.)

40. Падокшын С.А. Унія. Дзяржаўнасць. Культура. (Філасофска-гістарычны аналіз). - Мн.: Беларуская навука, 1998. – 111 с.